

Б.В. Соколов

Барон Майгель

БАРОН МАЙГЕЛЬ — персонаж романа «Мастер и Маргарита», имеет несколько литературных и по меньшей мере одного реального прототипа из числа булгаковских современников. Этот реальный прототип — бывший барон Борис Сергеевич Штейгер, уроженец Киева, в 1920–1930-е работавший в Москве в качестве уполномоченного Коллегии Наркомпроса РСФСР по внешним сношениям. Одновременно Штейгер являлся штатным сотрудником ОГПУ–НКВД. Он следил за входившими в контакт с иностранцами советскими гражданами и стремился получить от иностранных дипломатов сведения, интересовавшие советские органы безопасности. 17 апреля 1937 Штейгер был арестован по делу бывшего секретаря Президиума ЦИК А. Енукидзе, являвшегося также председателем Правительственной комиссии по руководству Большим и Художественным театрами. 16 декабря 1937 вместе с другими подсудимыми по этому делу бывшего барона по ложному обвинению в измене Родине, террористической деятельности и систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств приговорила к расстрелу Военная Коллегия Верховного Суда СССР. Приговор был немедленно приведен в исполнение. В дневнике Е.С. Булгаковой Штейгер упоминается несколько раз. В частности, 3 мая 1935, описывая прием у советника американского посольства Уайли, она отмечает, что присутствовал, «конечно, барон Штейгер — непременная принадлежность таких вечеров, “наше домашнее ГПУ”, как зовет его, говорят, жена Бубнова». Подчеркнем, что А. Бубнов был тогда наркомом просвещения, то есть непосредственным начальником Штейгера, и его жена знала, что говорила. В той же записи от 3 мая 1937 Е.С. Булгакова указала, что накануне к ним заходил переводчик Эммануил Львович Жуховицкий, совместно с секретарем американского посольства Чарльзом Бооленом работавший над переводом на английский пьесы «Зойкина квартира», и «плохо отзывался о Штейгере». Вероятно, Жуховицкий, которого все подозревали в сотрудничестве с НКВД, видел в бывшем бароне опасного конкурента. Вместе с Булгаковыми Штейгер был и на грандиозном приеме в американском посольстве, устроенном послом У. Буллитом 23 апреля 1935. Этот прием послужил прообразом Великого бала у сатаны в «Мастере и Маргарите», где нашел свой конец барон Майгель. 24 апреля 1935, описывая по памяти прием у Буллита, Е.С. Булгакова упомянула и Штейгера: «...Мы уехали в 5 1/2 [часов утра 24 апреля] в одной из посольских машин, пригласив предварительно кой-кого из американских посольских к себе... С нами в машину сел незнакомый нам, но известный всей Москве и всегда бывающий среди иностранцев, кажется, Штейгер». Похоже, что это была первая встреча Булгаковых со знаменитым бароном, о котором писатель и его жена были слышаны ранее. Они нисколько не сомневались, что Штейгер сел с ними в одну машину только в целях осведомления, пытаясь выведать впечатления о приеме для доклада в инстанции. Интересно, что в варианте «Мастера и Маргариты», написанном в конце 1933, сцена смерти барона Майгеля уже присутствовала (правда, тогда вместо Великого бала у сатаны в Нехорошей квартире происходил куда менее значительный шабаш). В образе барона Майгеля Булгаков предсказал гибель Штейгера за четыре года до того, как она произошла в действительности. А вот сцена убийства барона Майгеля на Великом балу у сатаны вошла в текст только в 1939, во время булгаковской болезни и уже после казни Штейгера.

У наушника и доносчика барона Майгеля были и литературные прототипы. Сама фамилия Майгель — это слегка измененная фамилия баронского рода Майделей, внесенного в дворянские матрикулы всех прибалтийских губерний России. Реальную фамилию Булгаков переделал так, что она стала ассоциироваться с магией, подчеркивая инфер-

нальную сущность барона Майгеля. Скорее всего, его прототипом послужил также комендант Петропавловской крепости барон Егор Иванович Майдель, которого запечатлел в романе «Воскресение» Л. Толстой в образе коменданта барона Кригсмута. В воспоминаниях С. Берса, брата жены Толстого Софьи Андреевны (урожденной Берс), приводится рассказ писателя о посещении им Е. Майделя в Петропавловской крепости:

«Лев Николаевич с отвращением передавал мне, как комендант крепости с увлечением рассказывал ему о новом устройстве одиночных камер, об обшивке стен толстыми войлоками для предупреждения разговоров посредством звуковой азбуки между заключенными, об опытах крепостного начальства для проверки этих нововведений и т.п., и удивлялся этой равнодушной и систематической жестокости со стороны интеллигентного начальства. Лев Николаевич выразился так: “Комендант точно рапортовал по начальству, но с увлечением, потому что выказывал этим свою деятельность”».

В «Мастере и Маргарите» барон Майгель — служащий Зрелищной комиссии и занимается ознакомлением иностранцев с достопримечательностями столицы, подобно тому, как его прототип Штейгер ведал внешними сношениями Наркомата просвещения. Председатель же Зрелищной комиссии Аркадий Аполлонович Семплеяров имел одним из своих прототипов А. Енукидзе, занимавшего аналогичный пост главы органа, контролировавшего основные театры страны, причем Штейгер, судя по всему, с Енукидзе был близко знаком. Е. Майдель тоже показывал Л. Толстому «достопримечательности» своего мрачного заведения. Интеллигентный, знающий языки, приятный в общении, светский барон Майгель совершенно равнодушен к жертвам своих доносов, будь то именитые иностранцы или простые советские граждане. Точно так же «интеллигентный» и «увлеченный» тюремщик Е. Майдель стремился произвести хорошее впечатление на известного писателя, выказывая при этом полнейшее равнодушие к заключенным — жертвам его «усовершенствований».